

шоптда

К.М.Труевцев

УКРАИНА: МЕТАСТАЗЫ РАСПАДА

Состояние «политического пата» в Киеве, наблюдавшееся со времени «трехтуровых» президентских выборов, теперь, кажется, подошло к концу. Обозначилось то, что не могло не обозначиться по итогам парламентских выборов – относительное доминирование на политическом пространстве Украины «Партии регионов» Виктора Януковича вместе с примыкающим к ней разнородными политическими силами.

Таким образом, многие надеются на реальность выхода из кризиса. Так ли это, однако? Есть серьезные основания опасаться, как бы выход из «политического пата» не обернулся «политическим цугцвангом». Причем не только для политического класса, но и для судеб страны в целом.

Было две фразы. Одна горбачевская: «Процесс пошел». Другая булгаковская: «Аннушка уже разлила масло». Мы хорошо помним, что случилось, когда Аннушка пролила масло, и куда пошел процесс после констатации М. Горбачева.

Очень похоже, что к этим двум роковым фразам сегодня можно присоединить третью. Эта принадлежит президенту Украины Виктору Ющенко. «Россия, – сказал он, – кончается там, где кончается русский язык».

В контексте привлечения дополнительных симпатий поддержавших его на выборах крайних украинских националистов это высказывание может, конечно, быть истолковано вполне однозначно: как призыв покончить с реальным двуязычием на Украине и добиться окончательного и повсеместного доминирования украинского языка как решающего шага в борьбе с влиянием «москалей», то бишь России.

Однако в общем контексте политической жизни на Украине эта же фраза выглядит очень двусмысленно – ее ведь можно трактовать и как констатацию действительного ареала влияния русского языка и русской культуры в ее регионах. И в этом случае получается, что Россия кончается не на границах Черниговской, Харьковской и Донецкой областей, а на границе Румынии – в районе Вилкова, Измаила...

Двуязычие, более того, ощущение принадлежности одновременно двум культурам – достаточно характерное явление для Украины. Недаром же ряд проводившихся в течение последнего десятилетия социологических опросов показал, что, хотя русскими себя считают здесь не более 20% граждан, но и чистыми украинцами – только 30%, а половина – русскими и украинцами одновременно.

Культурно-лингвистическая граница между русскими и украинцами весьма тонка, но, вместе с тем, она, разумеется, есть. Она практиче-

ки неощутима в спокойное политическое время, но ее черты начинают достаточно отчетливо проступать тогда, когда те или иные политические силы начинают резко поднимать градус межнациональных отношений ради конъюнктурных интересов, задевая чувствительные струны языковой и этнокультурной принадлежности.

Такое положение сложилось вовсе не в результате «враждебной деятельности» каких-то внешних сил, заинтересованных в расколе Украины, как это время от времени пытаются представить те или иные представители пропрезидентских сил.

Доминирующая роль русского языка и русской культуры, ощущение неразрывной связи с Россией на Востоке и Юге Украины сложились исторически, причем независимо от того, оканчиваются ли фамилии тех или иных граждан на «ов» или на «енко». Иначе говоря, являются ли они или считают себя этническими русскими или этническими украинцами. Это положение нисколько не изменилось за годы советской власти, в ходе которых, собственно говоря, и оформилось политико-юридически вхождение этих регионов в состав Украины (не говоря уже о Крыме, который был присоединен к ней «чисто технически» в 1954 году, а тем более о Севастополе, который до декабря 1991 г. являлся городом союзного подчинения).

На уровне психологического самоощущения большинство граждан этих регионов не считают и вряд ли хотят считать себя гражданами «другого государства», тем более что именно они скорее потеряли, чем приобрели что-то от распада СССР.

Из примерно четырех миллионов граждан Украины, постоянно работающих в России, большинство составляют выходцы с Юго-Востока, а это значит, что около 12 миллионов человек, или половина населения этих регионов, живут за счет работы их кормильцев в России. Отсутствие закона о двойном гражданстве и другие обстоятельства, во многом связанные с непросто складывающимися отношениями между Украиной и Россией, нередко превращают их в людей «второго сорта», в то время как в советский период жизнь и работа украинцев в любой точке Российской Федерации ничем не отличалась от их жизни и работы на «малой родине». И в глазах многих из этих граждан и членов их семей основную долю ответственности за это несут именно украинские власти.

Двусмысленная политика в этом вопросе Леонида Кучмы, избранного президентом, прежде всего, благодаря голосам с Юго-Востока Украины и обещавшего качественно улучшить сотрудничество с Россией, а затем нарушение им этих предвыборных обещаний стали одной из важнейших причин разочарования в нем и краха его президентства.

Разумеется все это – новости даже не вчерашнего дня. Региональное деление Украины на Запад, Центр и Юго-Восток констатировали многие и уже не раз, и на этой основе предсказывали – также не раз – неминуемый раскол Украины. Однако все это лишь «объективные факторы», которых самих по себе еще недостаточно, чтобы такой деструктивный и по сути своей катастрофический процесс стал реальностью.

Однако он стал превращаться в реальность в ходе того, что было названо «оранжевой революцией». Завороженные тем, что происходило на киевском Майдане Незалежности, и отчасти картинками с Запада Украины, наблюдатели, как правило, недооценивали значение тех процессов, которые шли на казавшемся им политически пассивным «совковом» Юго-Востоке. Всплески же политической активности «сепаратистского» толка местных горсоветов и облсоветов относили в основном на счет пиар-кампании В.Януковича и деятельности местных олигархов.

На самом деле когда Юго-Восток Украины в своем подавляющем большинстве голосовал за Виктора Януковича, происходило это, прежде всего, не благодаря «административному ресурсу» или прямым фальсификациям, а потому, что он обещал решить два вопроса – о статусе русского языка и двойном гражданстве с Россией, продемонстрировав готовность сделать целенаправленные шаги в этом направлении. Голосование за Партию регионов в ходе последних парламентских выборов еще раз подтвердило, что вера и решимость не политического класса, а именно большинства рядовых граждан бороться за достижение этих двух целей стала доминирующим мотивом голосования в юго-восточных регионах Украины.

В девяти восточных и южных областях положение партии В.Януковича было доминирующим¹ – от абсолютного: 74,33% и 73,63% в Луганской и Донецкой соответственно до относительного: 39,14% в Херсонской. А если прибавить к полученным ею голосам те, что были поданы за другие партии «бело-голубого» лагеря (прежде всего, за компартию и блок Натальи Витренко), которые в данном случае вряд ли стоит рассматривать иначе, чем как сателлитов ПР, это доминирование на Юго-Востоке практически повсеместно превращается в абсолютное.

¹ Эти и все последующие приводимые здесь цифровые данные взяты из таблицы «Итоги выборов в Верховную Раду – 2006, подготовленной М.Виноградовым (ПРОПАГАНДА). На их основе мною подготовлены также таблицы, демонстрирующие данные по отдельным политическим партиям и сотрудничающим с ними силам в регионах Украины и приводимые в конце данной статьи.

Таблица 1 Регионы, где первые места заняла Партия регионов

1. Луганская обл.	74,33%	(+ КПУ и БНВ) 83,97%
2. Донецкая обл.	73,63%	(+ КПУ и БНВ) 83,57%
3. Крым	58,01%	(+ КПУ и БНВ) 68,73%
4. Харьковская обл.	51,7%	(+КПУ и БНВ) 60,59%
5. Запорожская обл.	51,23%	(+КПУ и БНВ) 62,91%
6. Николаевская обл.	50,34%	(+КПУ и БНВ) 60,42%
7. Одесская обл.	47,51%	(+КПУ и БНВ) 55,19%
8. Днепропетровская обл.	44,98%	(+КПУ и БНВ) 53,75%
9. Херсонская обл.	39,14%	(+КПУ и БНВ) 48,9%

Такого уровня доминирования в регионах не удалось достигнуть ни одной другой конкурирующей партии. Максимальный результат «Нашей Украины» – 45,06% (в Ивано-Франковской области), а Блока Юлии Тимошенко – 44,54% (в Киевской области), что либо лишь

чуть превышает, либо практически паритетно с находящейся в реестре В.Януковича на предпоследнем, восьмом месте Днепропетровской областью (44,98% за ПР).

Таблица II Регионы, где первые места занял Блок Юлии Тимошенко

1. Киевская область	44,54%
2. Волинская обл.	43,93%
3. Киев	39,22%
4. Черкасская обл.	38,25%
5. Тернопольская обл.	34,49%
6. Хмельницкая обл.	35,57%
7. Винницкая обл.	33,25%
8. Сумская обл.	33,25%
9. Ровненская обл.	31,25%
10. Черновицкая обл.	30,34%
11. Полтавская обл.	26,81%

Таблица III Регионы, где первые места заняла партия «Наша Украина»

1. Ивано-Франковская обл.	45,06%
2. Львовская обл.	37,95%
3. Закарпатская обл.	25,79%*

** При этом Закарпатскую область вряд ли можно отнести к полярным регионам, поскольку не только у БЮТ здесь 20,29%, но и у ПР 18,65% (а вместе с ее близкими союзниками КПУ и БНВ – 20,34%).*

При этом и в ряде центральных, и даже западных областей, где доминировали «оранжевые», Партии регионов удалось добиться значимых, если не, прямо сказать, впечатляющих результатов – от 20,38% в Полтавской и 20,1% в Кировоградской до 18,65% в Закарпатской, 18,33% в Хмельницкой, 17,98% в Житомирской и 15,6% в Черниговской областях.

Там, где избиратели голосовали достаточно консолидированно за «оранжевых» в целом – в Центре (прежде всего, в Киеве и Киевской области), на Западе (в основном в Прикарпатье, но не в Закарпатье), эта консолидированность в основном касалась отвержения В.Януковича и других фигурантов «бело-голубого» лагеря. В то же время в структуре голосования за самих «оранжевых» здесь повсюду преобладали соображения внутренней конкуренции, прежде всего, между БЮТ и «Нашей Украиной». А это в контексте нынешнего, а фактически и раньше намечившегося раскола внутри «оранжевого» лагеря, приобретает немаловажное значение, означающее, кроме всего прочего, и серьезные расхождения между населением Центра и «захидниками». Если первые явно отдавали предпочтение Юлии Тимошенко как олицетворению наиболее радикальных сил «оранжевой революции», вторые отчетливо выдвигали на первое место партию Виктора Ющенко, очевидно, чуя в

Ю.Тимошенко «чужака» (не случайно УНА-УНСО оказалась в орбите «Нашей Украины», а не БЮТ).

Вряд ли стоит игнорировать и третью по значению силу лагеря «оранжевых» (теперь можно сказать, лагеря «оранжевых» в прошлом) – Социалистическую партию Украины Александра Мороза. Хотя в целом по Украине она выглядит достаточно маргинальной (5,69%) по сравнению с двузначными итогами голосования за первые три партии, в ряде регионов (в Винницкой области 14,7%, в Киевской 10,2%, в Кировоградской 9,72%, в Полтавской 12,7%, в Сумской 10,6%, в Хмельницкой 9,21%, в Черкасской 13,4%, в Черниговской 12,9%) она либо преодолела двузначный рубеж, либо вплотную подошла к нему, причем в двух регионах – Черкасской и Черниговской областях – вышла на третье место, обогнав партию В.Ющенко.

Здесь мы подходим к тому, что можно охарактеризовать как «полтавский парадокс».

Итоги выборов на Полтавщине вполне можно было бы считать триумфом «оранжевых»: в сумме они получили здесь 51,99%, т. е. абсолютное большинство, в то время как суммарный итог «бело-голубых – 26,99%, почти вдвое меньше.

Однако если учесть, что А.Мороз переметнулся после выборов на сторону В.Януковича, и провести соответствующий пересчет голосов, получится, что сегодняшние «оранжевые» имеют в сумме 39,99%, а «бело-голубые» с прибавкой СПУ – 39,69%. Вместо триумфа получается паритет, иначе говоря, пат.

Таблица IV Полтавский парадокс

1. «Оранжевые» едины (НУ+БЮТ+СПУ)	13,18%+26,81%+12,7%=51,99%
2. СПУ переходит на сторону ПР:	
«Оранжевые» (НУ+БЮТ)	13,18%+26,81%=39,99%
«Бело-голубые» (ПР+КПУ+БНВ)+СПУ	20,38%+5,44%+1,17%+12,7%=39,69%

Можно возразить: не слишком ли автор увлекается «магией цифр», за которой стоят избиратели, живые люди, которые с тех пор могли ведь и передумать?

Полагаю, в данном случае – не слишком. То, что и сам А.Мороз, и его партия являют собой типичный образец социал-демократии в ее классическом большевистском толковании (как оппортунистическом), было со всей очевидностью доказано в ходе одной из фаз послевыборного политического кризиса. Тогда А.Мороз в ходе политического торга переиграл партнеров по «оранжевой» коалиции, получив место спикера в обмен на поддержку премьерства В.Януковича. Итогом стала новая коалиция и новое парламентское большинство.

Кстати, такое политическое поведение было продемонстрировано А.Морозом далеко не впервые, оно достаточно давно было столь харак-

терно для него и его партии, что его можно было бы назвать «последовательным оппортунизмом».

Спрашивается, был ли этот стиль поведения известен избирателям перед последней кампанией в Верховную Раду? Разумеется, известен и очень даже хорошо. Поэтому, когда 12, 13 и даже почти 15% избирателей голосуют за последовательно оппортунистическую партию, это характеризует уже не только эту партию, но и этот электорат. Это говорит о том, что у оппортунизма А. Мороза есть своя достаточно устойчивая социальная база, причем эта база локализована и регионально – в основном в областях Центра и в переходных от Центра к Западу.

По контрасту с этим в юго-восточных и западных областях СПУ оказалась достаточно маргинальной силой, набирая голоса в пределах 1–4%.

Вся эта картина показывает не только то, что партия регионов оказалась наиболее динамичной силой на парламентских выборах, но и что «оранжевый» лагерь изначально был слабо консолидирован не только внутренне, но и электорально, и в конце концов должен был «посыпаться». Причем если первым актом его распада стал шокирующий для него, но в принципе вполне логичный откол А. Мороза, то следующим стал уход в оппозицию такой радикальной силы «оранжевых», как Блок Юлии Тимошенко, попытавшийся спровоцировать недееспособность Рады, а тем самым и новые выборы.

Такое развитие событий, конечно же, стало сильнейшим ударом и для тех избирателей, и для той части политического класса, которые посчитали Ю.Тимошенко одним из главных полюсов политического спектра, сделали на нее ставку и способствовали тому, что именно руководимый ею блок стал второй политической силой на Украине, оттеснив «Нашу Украину» на позиции, близкие к обочине политической жизни.

Сегодня, когда наносные породы политики осыпаются, и обнажается ее скальная основа, становится предельно ясным, что основными полюсами остаются, как и в период президентских выборов, по-прежнему В.Ющенко и В.Янукович. При том, что в этом противостоянии явно обозначился поворот к реваншу.

И что же – в результате все вернется на круги своя, к двусмысленной «политике качелей» времен Л.Кучмы, или начнется процесс политической (и в том числе этнополитической) консолидации, способный в конечном итоге привести к становлению на Украине единого национального государства?

Что касается первой части обозначенной дилеммы, совершенно очевидно, что исторические возможности для продолжения политики «хитроумного кучмизма» исчерпаны. Он отвергнут повсеместно – и на Западе, и на Востоке страны, поскольку избиратели, независимо от конкретных приоритетов, голосовали в ходе президентских и парламентских выборов за четкость и недвусмысленность политического курса. Подавляющее большинство на выборах вкуче собрали те политические силы, которые четко обозначили свои внутри- и внешнеполитические при-

оритеты, приняв при этом определенные обязательства, за которые им придется держать ответ перед избирателями.

Проблема политической консолидации, разумеется, является центральной для украинской государственности и, более широко, для решения вопросов о состоятельности политической системы и становлении единой украинской нации. Все эти вопросы остаются открытыми по сей день, тем более что политические тенденции и в период второго срока правления Л.Кучмы, и в период «оранжевой революции» (вплоть до самого последнего времени) имели вектор скорее дезинтеграции, чем консолидации. Поэтому в нынешних украинских условиях речь пока что может идти лишь о шагах на уровне центральной власти, направленных на начало этого процесса. Осуществление таких шагов принципиально возможно лишь двумя путями — либо путем компромисса основных существующих сил, либо посредством доминирования одной из них, способной стать главным консолидирующим фактором на всем политическом пространстве страны.

И тот, и другой путь проходят сейчас апробацию. Причем оба процесса происходят параллельно и настолько прозрачно, что уже сейчас можно делать некоторые выводы по поводу их существа, динамики и возможных перспектив.

Пожалуй, наиболее серьезной попыткой компромисса политических сил было подписание ими Универсала национального единства. Хотя этот документ, по мнению ряда украинских политиков и политологов, не содержит ничего принципиально нового по сравнению с конституцией страны, совершенно очевидно, что его суть заключается именно в акцентировании компромисса между сторонниками и противниками вступления Украины в НАТО, Европейский Союз и Единое экономическое пространство, между сторонниками и противниками закрепления определенного статуса русского языка в стране, т. е. в целом между сторонниками ориентации Украины на Запад или на Россию.

Однако этот компромисс оказался весьма рыхлым. Каждая из сторон пыталась интерпретировать его текст в диаметрально противоположном направлении и, более того, стимулировать те или иные политические шаги в соответствии со своей интерпретацией документа. Одним из результатов этого развития, в частности, стал выход «Нашей Украины» из правительственной коалиции и переход ее в оппозицию курсу правительства В.Януковича.

Это вряд ли могло быть иначе, поскольку каждая из сторон облечена определенным мандатом избирателей, а этот мандат предусматривает проведение политики в определенном направлении — либо на Запад, либо на Восток, и поиски компромисса между этими направлениями оказываются безуспешными.

Весьма характерен в этом отношении эпизод с одновременным выходом на киевские улицы сторонников и противников реабилитации организаций украинских националистов времен Второй мировой войны. Казалось бы, эта мера, принятая президентом В.Ющенко, была на-

правлена на национальное примирение и сглаживание существующего в обществе раскола по линии Восток – Запад. Во всяком случае, так ее склонны интерпретировать западные наблюдатели. Но приравнивание участников националистических формирований к участникам Великой Отечественной войны не могло не вызвать резкого протеста последних. Столкновение между ветеранами националистических формирований и их сторонниками, с энтузиазмом откликнувшимися на решение президента, с одной стороны, и ветеранами Великой Отечественной войны, а также представителями левых организаций, с другой, было предотвращено силовыми структурами. Однако этот эпизод со всей очевидностью продемонстрировал, невозможность примирения в таком формате.

Более того, этот эпизод стал своего рода метафорой политического компромисса на Украине, показав его возможности и пределы и продемонстрировав, что компромисса между прозападными и провосточными политическими силами на Украине в нынешних условиях ожидать не приходится.

Указанные события, кроме всего прочего, стали дополнительной демонстрацией снижения имиджа президента как фигуры, неспособной к примирению разнополюсных политических сил. Это также способствовало снижению его политического веса перед лицом постепенного, но неуклонного политического наступления В.Януковича и союзных с ним сил.

Совершенно очевидно, что результатом выборов и последовавших за ними событий стало неуклонное наращивание доминирования Партии регионов и их союзников на украинском политическом пространстве. Значит ли это, что В.Янукович и руководимая им партия (или даже более широко – коалиция) способны через реализацию своего доминирования стать национально консолидирующей силой?

Весьма сомнительно. Если посмотреть на голосование в типично «западных»² землях, мы увидим там практически повсеместно мизерные результаты партии В.Януковича – от 1,94% в Ивано-Франковской области и 2,02% в Тернопольской, до 3,01% во Львовской и 4,49% в Волынской, в то время как совокупное голосование за «оранжевых» там зеркально противоположно итогам в наиболее «бело-голубых» регионах (в упоминаемой здесь последовательности – 77,73%; 72,31%; 73,17% и 74,65%). Эти цифры принципиально не меняются, если из них убрать голоса, отданные за СПУ, о которой уже шла речь выше.

Регионов, которые достаточно однозначно можно отнести к «западному» полюсу, всего пять – к перечисленным четырем можно отнести еще и Винницкую область, где совокупное голосование за БЮТ и НУ составляло 53,25%. Однако рекордное количество голосов, поданных за СПУ, и относительно большой вес ПР (8,15%) указывают здесь на смягчение поляризации.

Казалось бы, и в Центре есть достаточная поляризация в пользу «оранжевых»: 60,56% в Киеве, 66,37% в Киевской области, 66,89% в Черниговской, 63,89% в Черкасской и т. д. Но есть одна закономерность:

² В статье употребляется вместо русского слова «западные» украинское «західные» отнюдь не в порядке какой-то иронии, как это иногда делается, а дабы подчеркнуть политическое (и этнополитическое) значение «західности» в данном контексте, не всегда совпадающее с чисто географическим понятием Запада: Закарпатье географически еще больший Запад, чем Прикарпатье, однако итоги голосования и оттенки политического расклада в целом там иные.

львиная доля этих голосов получена, как правило, за счет БЮТ, в то время как в «западных» регионах – либо преимущество НУ, либо, по крайней мере, ее паритет с БЮТ. Образно говоря, если на Юго-Востоке к бело-голубому прибавить немного красного снизу (в виде блока Витренко и КПУ), получится как раз российский флаг. Если на Западе оранжевый цвет выглядит как инвариант «жовто-блакитного», то в Центре – апельсин такой же символ либерального радикализма, каким в Москве и Питере начала и середины 90-х годов было, например, «Яблоко».

Устойчивые этнополитические ориентации остаются, ибо имеют глубокие исторические корни, выраженные через жесткую политико-психологическую установку. Точно так же, как на Юго-Востоке, по отмеченным уже причинам, есть стойкое убеждение, что при СССР было лучше, а стало быть, и с Россией будет лучше, в Галиции укоренено не менее стойкое убеждение, что лучше было до советской оккупации. Там почти в каждой семье память и о депортации, и о жесткой борьбе за выживание вплоть до середины 50-х, и о преследованиях вплоть до конца перестройки за национальные и религиозные убеждения. А «западный» дух, европейский стиль жизни, хотя и жестоко подавлялся, но отнюдь не выветрился, причем не только в городах, но и в консервативном селе.

В Центре же господствовала идейная установка, носившая, как показывает динамика событий, сезонный характер. Киевский майдан – римейк Москвы и Питера образца августа 1991 года, и поэтому картинка показалась некоторым российским либералам до боли знакомой.

Увы, внешность обманчива. Реальное противостояние, затянувшееся положение политического пата, конечно, имеет кое-что общее с ситуацией в России в 1991–1993 годах. И это общее – в том, что полюса противостояния непримиримы, а катарсис, сколь бы противоречивым и зловещим ни показался бы этот термин в данном контексте, – неизбежен.

Но реальное содержание кризиса по сравнению с российским пятнадцатилетней давности существенно иное. Существенно иной представляется и его структура или, если угодно, анатомия.

В России, сколь много не говорили бы о внешнем воздействии на российские (и общесоветские) события периода распада СССР, вопрос о социально-политической ориентации был осознан и обществом в целом, и политическим классом как сугубо внутренний, т. е. как вопрос характера и структуры общественно-политического строя. Именно поэтому он вызвал раскол общества главным образом по вертикали, затронув именно на таком вертикальном срезе практически все общественные слои и сконцентрировавшись на сюжете: за кого вы – за советы или за президентскую власть. Известен его исход – через катарсис, т. е. через полное очищение от советов как таковых (как несущей структуры всей политической системы).

В результате в России мы имеем то, что имеем, – превращение института президентской власти в стержневую несущую конструкцию всей системы.

Независимая Украина, как и Россия, родилась с исходными признаками раскола общества, однако в этом расколе изначально превалировала не вертикальная, как полагали и до сих пор полагают многие, а горизонтальная, этнополитическая составляющая. И этот же вопрос о социально-политической (и особенно внешнеполитической) ориентации страны вызвал вертикальный раскол лишь в Центре, который, однако, по своей глубинной силе и динамике существенно уступает горизонтальному, с обозначенными здесь западным и юго-восточным полюсами.

При существующей динамике полюса имеют тенденцию к дальнейшему расхождению, и поэтому всякие попытки консолидировать общество через укрепление Центра до сих пор заканчивались провалом.

Попытка распустить Верховную Раду и назначить новые выборы привела бы к дальнейшему укреплению позиций Партии регионов, причем главным образом за счет укрепления позиций партии В.Януковича и союзных с ней сил в центральных областях. Эта победа ПР, однако, вряд ли предотвратила бы раскол страны, поскольку на Западе Украины отчетливо провосточный политик, каковым является и каковым в силу своих электоральных корней не может не быть В.Янукович, является абсолютно неприемлемым. Точно так же, как для юго-восточных регионов абсолютно неприемлем не только прозападный политик, но и, как показала история правления Л.Кучмы, политик, пытающийся проводить компромиссную линию между Западом и Востоком.

Именно в этом суть нынешнего кризиса. Премьерство В.Януковича как временный политический компромисс между «бело-голубым» и «оранжевым» лагерями способно лишь на короткое время сгладить, но отнюдь не устранить его глубину.

В каком-то смысле само название партии В. Януковича, «Партия регионов» можно рассматривать как характерную политическую метафору: итоги последних выборов убедительно демонстрируют, что все без исключения партии на Украине имеют не общенациональный, а региональный характер. Следовательно, на общестрановом театре политических действий нет и в обозримой политической перспективе не просматривается ни политической структуры, ни политического лидера, способных консолидировать украинское общество и его общественно-политическое устройство.

Такое положение не случайно. Оно свидетельствует не только об изначальной фундаментальной слабости политических партий по отношению к иным политическим структурам, но и об их несамостоятельности, «вторичности», которые им, несмотря на все попытки, так и не удалось преодолеть.

В самом по себе факте вторичности политических партий на Украине нет ничего радикально отличного от ситуации в других постсоветских государствах, включая и Россию. Разница, однако, во внутреннем наполнении этого феномена и его структурно-функциональных характеристиках.

Если в России, Казахстане и некоторых других странах СНГ, независимо от разницы протекающих там политических процессов, партии, как правило, выстраивались относительно вертикали президентской власти и при той или иной корреляции по отношению к ней (а уже потом координировали свои усилия и действия с региональными элитами), на Украине дело обстоит ровным счетом наоборот. Достаточно напомнить в связи с этим неудачу попытки Л.Кучмы выстроить по российскому образцу модель преемственности президентской власти. Это фиаско было вполне логичным, ибо натолкнулось на солидарное сопротивление региональных элит, и это, кстати говоря, было одной из причин поражения В.Януковича на президентских выборах. Равно как и поражения тех российских политиков и политтехнологов, которые не учли не то чтобы значения, но механизмов действия этого феномена.

³ Эти сущностные характеристики советов и механизм их внутреннего и внешнего действия неплохо описаны в книге

С.Кара-Мурзы «Советская цивилизация» (М., 1999).

Несмотря на апологетический характер книги по отношению к советам и их идеализацию как образцов первичной, «истинно народной» демократии, сами черты советов как инструментов плебисцитарной демократии, отличающие их от структур представительной демократии и принципиально несовместимые с нею, на взгляд автора, во многом описаны достаточно объективно.

⁴ Деструктивную роль советов в России как механизмов распада и одновременно их крайнюю неэффективность в социально-мобилизационном отношении в этот период автор попытался описать, в частности, в своей книге, посвященной особенностям российского политического процесса в 90-е гг. (См. Труевцев, К.М. Партитура для парламента и партия президента. М., 2001.

За этим кроется коренное отличие политической системы Украины от России или относительно близкого к ней Казахстана. Если в России система советов была ликвидирована, а в Казахстане подверглась и продолжает подвергаться существенному реформированию в условиях «мягкого авторитаризма», то на Украине центральная власть и политические институты демократического типа (парламент, политические партии, независимые СМИ и т. д.) развивались и продолжают развиваться параллельно с системой советов, которая не только не была разрушена, но и не подверглась сколько-нибудь существенному реформированию.

Причем если первые представляют собой лишь верхние этажи политической постройки, то советы как составляли, так и продолжают составлять ее фундаментальную, базовую часть. Будучи по природе моделью не представительной, а плебисцитарной демократии, советы по своему внутреннему механизму органично подчинены принципам демократического централизма и, прежде всего, принципу неукоснительного и безоговорочного подчинения меньшинства большинству³. В силу этой природы советы коренным образом несовместимы с принципами структурного политического плюрализма, наиболее отчетливым проявлением которого является многопартийность. Они не трансформируемы и не реформируемы в этом направлении.

Это со всей наглядностью продемонстрировал опыт России периода 1991–1993 гг.⁴, и это же с не меньшей наглядностью демонстрирует опыт Украины вплоть до настоящего времени. В частности, известным органическим советским принципом является формирование исполнительной власти (исполкомов) на основе советов. Этот принцип был изначально заложен в качестве одной из основ советской власти как механизм единоначалия власти в противоположность «буржуазному» принципу разделения властей.

В ходе «оранжевой революции» на Украине автору приходилось обращать внимание на тот факт, что ряд советов как на Юго-Востоке, так и на Западе страны достаточно эффективно парализовали деятельность назначаемой из центра исполнительной власти (губернаторов) и факти-

чески организовали параллельную исполнительную власть. Политическая мобилизация населения в этот период проходила в основных региональных полюсах если и не исключительно через советы, то, по крайней мере, при их активнейшем участии. Это показывает, что механизмы действия советов отнюдь не утратили значения и по сей день, точно так же, как это было и в России в начале 90-х гг.

Это показывает, что на местном уровне именно советы, а не какие-то другие политические структуры, включая и партии, по-прежнему остаются наиболее эффективным политическим инструментом. Оставаясь при этом инструментом не представительной, а плебисцитарной демократии, они и продолжают создавать политическую атмосферу в полярных регионах по принципу «кто не с нами, тот против нас». Отсюда – и почти абсолютно полярные цифры голосования за соответствующие политические партии на Западе и на Востоке. Сами политические партии в этой обстановке как раз и являются вторичными по отношению к советам.

Удивительно, что «оранжевая революция» при всем ее кажущемся радикализме не только не поставила вопроса о ликвидации советов, но фактически способствовала усилению их позиций. Ликвидировав сильную президентскую власть, она еще более ослабила центр, парализовав его дееспособность по линии «центр-регионы». Ситуация, которая сложилась в центре в настоящее время можно характеризовать как «слабый президент, слабое правительство, слабый парламент».

Поскольку политические полюса на Украине почти совпадают с ее географическими полюсами, Верховная Рада превращается в место согласования и попыток примирения непримиримых интересов, президент же и правительство являются сторонами этого непримиримого геополитического (и этнополитического) противоречия.

Что же касается полюсов в виде местных и региональных советов Донецкой, Луганской, Харьковской областей и Крыма, с одной стороны, и, соответственно, Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и Волынской областей, с другой, то, сохраняя свою эффективность как политические структуры, они и субъективно (в силу своей этнополитической ориентации), и объективно (в силу своего имеющего самодовлеющую силу механизма) используют эту эффективность в направлении разрыва единого политического пространства страны, выступая, таким образом, как метастазы ее распада.

При таких структурно-функциональных характеристиках украинская государственность приближается к тому порогу, когда провозглашаемый в конституции унитарный принцип становится не более, чем фикцией, а любое действие, так же, впрочем, как и бездействие центральной власти равным образом будет вести к ее крушению.